

БЕСПОЛЕЗНЫЙ ДИСПУТ

тот, кто сегодня боится Григория Боедова — этим, собственно, и была подведена черта под разговором «о сезоне прошедшем, о сезоне начинающемся»...

Московской писательской организации провела на днях собрание-диспут на тему «Вот прошел театральный год, начался новый»... Эта постановка вопроса позволяла приглашенным критикам, драматургам, режиссерам, работникам театров надеяться, что состоится диспут, в ходе которого удастся подвести некоторые итоги: поспорить о ценности достигнутого, поразмыслить о будущем.

Но уже основное сообщение критика В. Фролова, сделанное им после краткого вступительного слова председательствующего А. Арбузова, показало, что эти ожидания вряд ли оправдаются.

В. Фролов в двух словах изложил свое довольно безапелляционное мнение о состоянии дел в искусстве. Посетовал на примитивизм некоторых произведений, написанных драматургами к XXII съезду. С завидной категоричностью заявив, что пьесы «Над Днепром» А. Корнейчука, «Весенний гром» Д. Зорина, «Антеи» М. Зарудного начисто смазывают все достижения советской литературы, Фролов противопоставил им в качестве положительного образца «Старшую сестру» А. Володина, «Где-то рядом» В. Лаврентьева, «Опаснее врага» Д. Аля и Л. Ракова, объединив тем самым принципиально необъединяемые, разные по отображению жизненных явлений произведения. И затем весь свой пыл отдал защите ленинградского спектакля «Горе от ума» от несправедливых, по его мнению, нападок критика Ю. Зубкова, которые последний имел дерзость высказать на страницах журнала «Октябрь». Защищать А. Грибоедова и режиссера Г. Товстоногова от «ретроградов»

и «хулителей» ринулись, с легкой руки Фролова, драматурги М. Шатров, А. Салынский, А. Штейн, Ю. Эдлис. И даже один «недавний пионервожатый, а ныне начинающий журналист», как отреккомендовал себя В. Шамиджаев.

В ходе дискуссии досталось не только Ю. Зубкову, который (страшно подумать!) посмел не согласиться с трактовкой образа Чацкого актером С. Юрским, но и режиссеру О. Ремезу. Ему, только заикнувшись о «поверхностно-современных новациях в спектакле», был учинен такой перекрестный допрос, пройдя через который вряд ли кто-либо впредь захочет на заседании секции московских драматургов открыто выражать свою точку зрения на те или иные явления театральной жизни. Обвинялся в неискренности режиссер А. Шапс (в реплике А. Арбузова), когда он пытался повести разговор по главному руслу — мобилизовать внимание театральной гвардии на осуществление связи искусства с жизнью народа. Атаковался и К. Финн, поднявший трезвый голос в защиту современной актуальной пьесы — против засилья в нашем репертуаре западных поделок.

Волнение за попорченного «ретроградами» Товстоногова было столь велико, что даже взволнованная речь Е. Симонова, призывавшего к созданию театра большой гражданской, поэтической мысли, осталась «гласом вопиющего в пустыне».

Завершил спор М. Шатров, утверждавший правоту Товстоногова довольно странной сентенцией: критикует его ныне, мол,

шесся»...

Диспут всегда на пользу искусству. Но именно диспут, представляющий горячий обмен мнениями при непеременимой четкости партийной позиции.

Какую пользу может принести разговор, если в ходе его не возникло живой мысли, могущей пойти на пользу современному театру, если круг явлений искусства, оказавшихся в поле зрения аудитории, сузился едва ли не до одного спектакля, если организаторы диспута не были озабочены проблемами, которые ставит сейчас партия перед художественной интеллигенцией, если даже попытка напомнить собранию об этих задачах, об ответственности художника перед народом, сделанная И. Куприяновым, была частью аудитории встречена с реакцией, достойной удивления.

«Рассказывают, — сказал Л. Ф. Ильичев на встрече руководителей партии и правительства с представителями нашей художественной интеллигенции, — что иногда при обсуждении творческих вопросов на том или ином собрании создается такая обстановка, когда отстаивать правильные партийные позиции считается неудобным, немодным, можно, так сказать, прослыть ретроградом и консерваторм, подвергнуться обвинениям в догматизме, сектантстве, узости, отсталости, сталинизме и т. д.»

Не кажется ли, что данный диспут подтверждает справедливость этих слов?

ЖУРНАЛИСТ,